

Изъ Записной книжки „Русскаго Архива“.

12 Апрѣля 1889 года.

Въ Одессѣ дожилъ вѣкъ свой преемникъ князя Воронцова на гамашнемъ генераль-губернаторствѣ, *графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ*. Его долголѣтность дошла до того, что въ газетахъ появился некрологъ его съ подробнымъ изложеніемъ служебнаго поприща. Графъ прочелъ свой некрологъ, сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и жилъ потомъ еще нѣсколько лѣтъ.

Графъ Александръ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей, которымъ любо казаться хуже, нежели они на самомъ дѣлѣ. Въ Одессѣ онъ никому не подавалъ руки; будучи предсѣдателемъ тамошняго Общества Исторіи и Древностей, онъ не снималъ шапки въ засѣданіяхъ. Въ Городской Думѣ сживалъ съ нимъ рядомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, какой-то простолудинъ, и попросилъ однажды у него позволенія понюхать табаку изъ его открытой табакерки. Графъ, отсыпавъ ему на ладонь табаку, сказалъ: „бери, а табакерку не погань грязными пальцами“. По изданію „Архива Князя Воронцова“ пріѣхавъ въ Одессу, я пользовался вниманіемъ графа до того, что онъ однажды пожалъ мнѣ руку. Это разгласилось, и городской голова Г. Г. Маразли говорилъ мнѣ: представьте, онъ и министрамъ не подаетъ руки, и кто-то изъ Петербургской знати, удостоившись его рукопожатія, заказалъ себѣ особую перчатку и хвасталъ ею въ Одессѣ. Рѣзко оборвать собесѣдника было ему за обычай, доброту же сердца своего онъ любилъ скрывать. Покойный И. У. Палимсестовъ, долго служившій въ Одессѣ во время его генераль-губернаторства, передавалъ мнѣ черты его щедрой, непоказной благотворительности.

Три брата графы Строгановы дожили до глубокой старости. Ежегодно съѣзжались они на минеральныхъ водахъ въ Теплицѣ, одинъ изъ Одессы, другой (Сергій) изъ Петербурга и третій (Алексѣй, наиболѣе даровитый изъ нихъ, бывшій посланникомъ въ Лиссабонѣ) изъ Парижа. Свидѣвшись, они складывали числа лѣтъ своихъ, и выходило слишкомъ 250. У нихъ было еще два брата, Валентинъ, умершій юношею, и Николай, который однажды во дворцѣ прибилъ камерлакея, и за то, по заявленію отца своего, былъ сосланъ въ Пензенскую деревню, гдѣ и кончилъ дни свои. Отецъ ихъ, скончавшійся тоже въ глубокой старости, знаменитый дипломатъ и опекунъ дѣтей А. С. Пушкина, получилъ Европейскую извѣстность и въ поляхъ Цитерейскихъ: вдову, мать Донъ-Жуана, похвалявшуюся передъ сыномъ своею добродѣтелью, Байронъ заставляетъ сказать, что и графу Строганову не удалось соблазнить ее.

Однимъ изъ плодовъ любви его была *Идалия Григорьевна Полетика* (говорять, отъ Гречанки). Она жила съ нимъ въ Одессѣ въ домѣ его на приморскомъ бульварѣ, и однажды, когда я спускался отъ него къ выходной двери, слуга спросилъ меня на лѣстницѣ: Развѣ къ сестрѣ не зайдете? Я только видѣлъ ее, но не зналъ: ей было достаточно, что я печаталъ о Пушкинѣ, чтобы не желать моего знакомства. Она ненавидѣла Пушкина. Нрава она рѣзкаго или что Французы называютъ *acariâtre*. Мужъ ея нѣкогда служилъ въ кавалергардахъ. Это былъ наглець. Во время Польскаго похода 1831 года онъ жила на счетъ графа Д. Н. Шереметева и даже завладѣвалъ его вещами и самою походною палаткою. Пріятелемъ ему былъ кавалергардъ, убійца Пушкина, Дантесъ. Пушкинъ же часто бывалъ въ обществѣ кавалергардовъ, и Т. В. Шлыкова, вспоминая Пушкина, говаривала, что въ театрѣ встрѣчала она его постоянно съ кавалергардами. Покойная княгиня В. Ѳ. Вяземская обвиняла Идалию Григорьевну Полетику въ томъ, что она сводила Дантеса съ Натальей Николаевной, которая съ ужасомъ рассказывала княгинѣ Вяземской, что однажды она нарочно оставила ее у себя вдвоемъ съ Дантесомъ, и что ее спасла вбѣжавшая въ комнату дѣвочка, дочь Полетики.

Смѣшно и для г-жи Полетики позорно, что нынѣ, въ глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говоритъ, что ее оскорбляетъ воздвигаемая въ Одессѣ статуя Пушкина, что она намѣрена поѣхать и плюнуть на него, что это былъ извергъ и т. д. Елена Григорьевна Шереметева, недавно навѣстившая въ Одессѣ престарѣлаго дѣда своего графа А. Г. Строганова, любя и хорошо зная поэзію Пушкина, была изумлена этими отзывами. Полетика заявляетъ большую нѣжность къ памяти Натальи Николаевны. Она рассказываетъ, что однажды онѣ ѣхали въ каретѣ и напротивъ сидѣлъ Пушкинъ. Онъ позволилъ себѣ взять ее за ногу. Наталья Николаевна пришла въ ужасъ, и потомъ, по ея настоянію, Пушкинъ просилъ прощенія у нея. Есть поводъ думать, что Пушкинъ, зная свойства г-жи Полетики, оскорблялъ ее и что она, изъ чувства мести, была сочинительницею анонимныхъ писемъ, изъ за которыхъ произошелъ роковой поединокъ.

Графъ А. Г. Строгановъ, вторя сестрѣ (которая отчасти имъ командуетъ), отзывается о Пушкинѣ полупрезрительно, какъ о какомъ-то рюмоплетѣ. Онъ говоритъ, что послѣ поединка онъ ѣздилъ въ домъ раненаго Пушкина, но увидалъ тамъ такія разбойническія лица и такую сволочь, что предупреждалъ отца своего не ѣздить туда. Этотъ отецъ былъ двоюроднымъ братомъ тещѣ Пушкина, Натальѣ Ивановнѣ, которая, вопреки своему внѣбрачному происхожденію, была фрейлиною высочайшаго двора. Вдова его дяди, Наталья Кирилловна Загряжская, не такъ относилась къ Пушкину.